

РОЗДІЛ 10 ТЕОРІЯ ЛІТЕРАТУРИ

УДК 811.112.2

ЛОЖНЫЕ ДОВОДЫ КАК ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

FALLACIES AS PRAGMATIC STRATEGIES IN THE POLITICAL SPEECH

Аллахвердиева Айтген Муса кызы,
*доцент кафедры лексикологии и стилистики английского языка
Азербайджанского университета языков*

Ложный довод в качестве срыва стратегического маневрирования может быть определен как процесс выдачи ошибочного аргумента для поддержки и укрепления в целях убеждения. Вместе с тем ложный довод является обширной темой, которая была рассмотрена с разных точек зрения. Некоторые исследования в прагматическом аспекте страдают от определенных пробелов и недостатков. Так, многим прагматическим аспектам, связанным с ложными доводами, так же, как и прагматической структуре и стратегиям, использованным для их издания, не было придано должного значения. В данной статье сделана попытка преодолеть указанные недостатки. Речь идет об определении прагматической структуры и прагматической стратегии ложных доводов в политической речи. Сделан вывод о том, что ложный довод является процессом, состоящим из нескольких этапов. Каждый этап отличается своими прагматическими компонентами и стратегиями.

Ключевые слова: ложный довод, аргумент, прагматическая структура, прагматическая стратегия, прагматический компонент.

Помилковий довід в якості зриву стратегічного маневрування може бути визначений як процес видачі помилкового аргументу для підтримки і зміцнення з метою переконання. Разом із тим помилковий довід є великою темою, яка була розглянута з різних точок зору. Деякі дослідження в прагматичному аспекті страждають від певних прогалин та недоліків. Так, багатьом прагматичним аспектам, пов'язаним із помилковими доводами, так само, як і прагматичній структурі і стратегіям, використаним для їх видання, не було надано належного значення. У даній статті зроблена спроба подолати ці недоліки. Ідеться про визначення прагматичної структури і прагматичної стратегії помилкових доказів на політичній промові. Зроблено висновок про те, що помилковий довід є процесом, що складається з декількох етапів. Кожен етап відрізняється своїми прагматичними компонентами і стратегіями.

Ключові слова: помилковий довід, аргумент, прагматична структура, прагматична стратегія, прагматичний компонент.

Fallacy as the disruption of strategic maneuvering can be defined as the process of representation of a false argument for supporting and strengthening, with purpose to persuade. However, fallacy is an extensive topic that has been considered from different points of view. There exist certain gaps and shortcomings in some studies from the pragmatic aspect. Thus, many pragmatic aspects associated with fallacies, as well as the pragmatic structure and strategies utilized in their representation, were not given due importance. The article attempts to overcome these shortcomings. It is about defining a pragmatic structure and a pragmatic strategy of fallacies in the political speech. The conclusion arrived at consists of the view-points that a fallacy is the process consisting of several stages. Each stage is distinguished by its pragmatic components and strategies.

Key words: fallacy, argument, pragmatic structure, pragmatic strategy, pragmatic component.

Введение. Ложный довод (на английском “fallacy”) был предметом многих исследований с такими перспективами, как логические, диалектические, прагма-диалектические и прагматические. Но некоторые из них имеют такие недостатки, как отсутствие определения прагматической структуры или стратегии обнаружения ложных доводов.

Цель исследования. В связи этим целью нашего исследования является: 1) выявление прагматической структуры ложных доводов в полити-

ческой речи; 2) определение основных прагматических стратегий, используемых в ложных доводах.

В связи с вышеуказанными целями предполагаем, что сперва нужно определить термин «ложный довод».

Ложный довод предполагает важную часть нашей повседневной жизни; люди везде делают ошибки: в офисах, дома, в рекламе, в СМИ и т.д. В целом можно сказать, что ложные доводы находятся на вершине каждой полноценной аргументации. С тех пор, как в логике началось

изучение ложных доводов, возникли разногласия по поводу их определения. Это привело к формированию различных подходов к теории и определению термина.

Степень исследованности проблемы. Ученые выдвигают различные подходы к ложным доводам. Некоторые из них, в частности Аристотель и софисты, относятся к ложным доводам с логической точки зрения. Другие (например, Hamblin 1970) предпочитают диалектический подход. Для Эмерен и Гротендорст (Eemeren & Grootendorst, 1999) ложные доводы являются прагма-диалектическими перспективами, которые могут рассматриваться как «срыв стратегического маневра». Тем не менее, есть исследователи, которые подходят к ложным доводам прагматично. В этом отношении Уолтон (Walton 1995, с. 23) определяет ложный довод как «аргумент (или, по крайней мере, то, что подразумевается как аргумент), которому не хватает некоторых стандартов правильности, в частности – использования в контексте диалога; но это, по разным причинам, имеет видимость правильности в контексте и представляет из себя серьезное препятствие для реализации цели диалога».

В 1992 году Уолтон заметил, что ложный довод в любом контексте является процессом, имеющим отправную и конечную точку. Такой подход, то есть процессный подход, выявляет ошибку как динамического субъекта, который проходит через различные этапы к общей цели, основанной на совместных разговорных постулатах, которые регулируют то, как в процессе делаются ходы (Walton & Reed 2003, с.12).

Структура процесса выведения ложного довода исходит из цели или намерения формулирования ложного довода. Уолтон (Walton 2007, с. 159) указывает на это намерение, рассматривая ложный довод как сознательно выработанную тактику убеждения. Объединив взгляд Уолтона с мнением Эмерена и Гротендорста в дополнение к тому, что было представлено Уолтоном, ложный довод может рассматривать в текущей статье как крушение стратегического маневра, который происходит из-за ложного аргумента. Более кратко – это аргумент, который нарушает определенное правило правильности в поддержку ранее выданного аргумента и призван быть сознательно разработанной тактикой убеждения.

Основное содержание. Прежде чем обсуждать прагматическую структуру и прагматические стратегии ложных доводов, мы считаем необходимым определить суть самого термина «аргумент».

Из-за использования некоторых технических терминов общепринятое определение термина «аргументация» отличается в толковании на бытовом уровне. Если обобщить определения разных словарей, то получится примерно такое определение: «Аргументация – это не только рациональная и социальная, но и вербальная деятельность, направленная на убеждение собеседника в приемлемости точки зрения, где выдвигается совокупность пропозиций (предложений), опровергающих или оправдывающих высказанную точку зрения».

Безусловно, «аргументация» здесь используется как обычное бытовое слово. А значение технического термина «аргументация» более точно, так как оно основано на концептуальном анализе понятия аргументации. Техническое определение обусловлено в том смысле, что оно вводит в некоторой степени новую и конкретную конвенцию об использовании языка. Как видно, в этом определении от понятия аргументации сохраняется двусмысленность процесс-продукта. В то же время оно относится к процессу полемики («Собираюсь завершить аргументацию»), и даже к ее продукту («Эта аргументация необоснованна»).

В определении упомянут ряд теоретически важных аспектов понятия аргументации: то, что аргументация осуществляется при помощи языка, это словесная деятельность и социальная активность, которая направлена на других людей. Аргументация основана на интеллектуальных соображениях, поскольку это рациональная деятельность. Она всегда относится к определенной точке зрения или точке зрения относительно определенного вопроса. Аргументация направлена на необходимость убедить сомневающегося в ее приемлемости или имеющего другую точку зрения слушателя или читателя в приемлемости точки зрения оратора или писателя.

Аргументация состоит из одной или нескольких пропозиций, выражаемых в предложении. Аргументация используется для обоснования предложения в случае положительной точки зрения («В самом деле»). Аргументация используется для опровержения в случае отрицательной точки зрения («Дело обстоит не так»).

Некоторые центральные проблемные области в исследовании аргументации: устное и письменное производство аргументации, структура аргументации, схемы аргументации, анализ и оценка рассуждений, невыраженные элементы в аргументативном дискурсе и ложные доводы – всегда интересовали теоретиков аргументации. Важно понимать, что вербальные выражения интересны

теоретикам аргументации не по природе «точки зрения», «аргументов» или других видов единиц языка. Они только становятся такими, когда выступают в контексте, где выполняют определенную функцию в процессе коммуникации. Только тогда эти высказывания в определенном виде способствуют достижению поставленной цели. В некоторых случаях аргументация состоит из предпосылок, которые неявно представлены в тексте, а потому могут рассматриваться как «невывраженные элементы».

Теоретики аргументации особенно интересуются еще одной, особенно проблемной областью аргументации – ложными доводами. Одним из главных возражений против логико-ориентированного подхода к ложным доводам, которые доминировали до недавнего времени, является то, что ложные доводы рассматривались как недействительные аргументы во многих случаях.

Стандартное определение ложных доводов, которое было принято до недавнего времени, – следующее: это аргумент, который кажется действительным, но который не является действительным. Однако за последние несколько десятилетий теоретики аргументации сделали ряд важных возражений против этого определения, основываясь на мысли о том, что слово «кажется» включает в себе элемент субъективности, что действительность здесь неверно представлена как абсолютный и окончательный критерий.

Определение игнорирует тот факт, что некоторые известные ложные доводы справедливы с точки зрения современных логических стандартов; оно ограничивает сферу применения концепции ложных доводов к образам рассуждений, что приводит к исключению большого количества признанных ложных доводов. Отсюда становится понятным, почему в настоящее время в некоторых кругах является предпочтительным давать более широкое определение, в котором ложные доводы рассматриваются как недостаточные ходы в аргументативном дискурсе или тексте.

В «De sophisticis elenchis» («Софистические опровержения») Аристотель (Aristotle 1928a) ставит ложные доводы в диалектический контекст диалога, в котором тезис опровергается одной стороной и защищается другой. Опровержение тезиса оппонента – один из способов выиграть спор. Появление ложных доводов с этой точки зрения является неправильным дискуссионным ходом в опровержении тезиса. Софистические опровержения имеют дело с опровержениями, которые являются таковыми только по внешнему виду, то есть являются паралогизмами.

То, что Аристотель считает характеристикой аргументационного стиля софистов, связано с термином «софизм». В «Topica» Аристотель (Aristotle 1928b) обсуждает некоторые правильные пропозиции, которые делаются оппонентами, чтобы опровергнуть защищаемый ими тезис. Здесь также обсуждаются неправильные аргументативные ходы, такие как *petitio principii*, также известные как «заблуждающий вопрос» или «круговое рассуждение» (в английском: *begging the question* или *circular reasoning*).

В «De sophisticis elenchis» Аристотель группирует ложные доводы в тринадцать разных видов и указывает, как защитник может их парировать. Он делит диалектические ложные доводы на две группы: опровержения, зависящие от языка (*in dictione*), и опровержения, которые не зависят от языка (*extra dictionem*). Ложные доводы, которые зависят от языка, связаны с амбигуитивностью и переносом смысла. Ложные доводы, которые не зависят от языка, также могут приводиться на искусственном «совершенном» языке, который однозначен и во всех отношениях четко определен. Различие между зависимыми и не зависимыми от языка ложными доводами впоследствии часто неверно истолковывалось или интерпретировалось (Cohen & Nagel 1964). Сегодня оно вообще было изменено различием между амбигуитивными и релевантными ложными доводами (Copi 1972).

Как очевидно, стандартное определение ложного довода Аристотелем, как обоснованного аргумента, долгое время задавало тон. Но ученые позже часто игнорировали диалектический контекст определения. Они также игнорировали различия между дедуктивно допустимым аргументом и мнением Аристотеля о том, что правильное рассуждение требует не только заключения силлогизма в вопросе следования из предпосылок, но и базирования на этих помещениях, одновременно отличаясь от них. Это было во времена Ренессанса, когда такие ученые, как Петрус и Рамус, отвергали идеи Аристотеля, даже отрицали, что ложные доводы были областью, заслуживающей изучения вообще.

Критикуя силлогистическую логику, Джон Локк представил такие ложные доводы: *ad verecundiam* (первоначальный аргумент «стыд» (на английском “shame argument”), потому что никто не смел атаковать авторитет; в наше время – ложный довод неуместного обращения к авторитету); *ad ignorantiam* (ложный довод заключения о том, что пропозиция верная, так как оппонент неуспешно защищается); и *ad hominem* (перво-

начально – извлечение пользы от уступок оппонента) – общий термин для прямого или косвенного нападения на оппонента. Локк не считал эти виды аргументации ложными доводами (Walton, D., 1995). В наше время они обычно классифицированы как релевантные ложные доводы.

Уэйтли (Whateley, 1848) рассматривает ложные доводы с логической точки зрения. Здесь аристотелевское определение несколько расширено. Ученый оказал большое влияние на более позднюю традицию в данной проблеме в Великобритании и США. Традиционная логика – важная характеристика трактовок ложных доводов в этих руководствах – это переход от аристотелевской диалектической перспективы к перспективе монолога. Таким образом, теория ложных доводов концентрируется исключительно на ошибках рассуждения, а не на вводящих в заблуждение маневрах того, кто пытается взять верх над другой стороной.

В связи с тем, что некоторые ложные доводы в списке Аристотеля неотъемлемо связаны с диалогической ситуацией, одно из последствий отказа от контекста дискуссии заключается в том, что иногда неясно, почему ложный довод на самом деле неверный. Примером этого является избыток вопросов, и ложный довод, возникающий во время вопроса, на который можно ответить, только одновременно отвечая на другой или другие вопросы, которые «спрятаны» в первоначальном вопросе, как, например: «Кому вы продали роскошь, которые вы украли?» Согласно современной интерпретации ответ на изначальный вопрос предполагает конкретный ответ и на другие вопросы. Много вопросы зависят от ситуации диалога. А этот ложный довод может быть адекватно проанализирован только с помощью диалектического подхода.

В своем исследовании о ложных доводах, «Fallacies», Гамблин (Hamblin, 1970) нашел такую степень единообразия в подходе к ошибкам по логическим стандартным обращениям, которая была разрушительной. По его мнению, недостатки стандартного подхода уже выражены в стандартном определении ложного довода как аргумента, который кажется действительным, но на самом деле недействителен.

Кроме формальных ложных доводов, таких как *отрицание предшествующего* (на английском *denial of the antecedent*) и *подтверждение последствий* (на английском *confirmation of the consequence*) (случаи, в которых существует путаница и необходимые условия для логически обоснованного рассуждения), большинство ложных

доводов, обсуждаемые в стандарте метода обращения, не соответствуют этому определению вообще. Это может быть связано с тем, что никакой вопрос аргумента (*избыток вопросов* (например, на английском “loaded questions”) вовсе не является недействительным согласно современным интерпретациям (в *petitio principii*, например). Или это можно объяснить ложным доводом, который главным образом связан с неприемлемостью невысказанного размещения (например, *ad verecundiam*, *ad populum*, и *ad hominem*). В последнем случае возражение будет касаться содержания, а не формы аргументации. Ложный довод *ad hominem*, как правило, не представлен в виде аргумента и не может быть легко реконструирован, как ряд посылок с выводами.

Что касается прагматической структуры ложных доводов, то, как уже отметили, ложный довод – это процесс поддержки аргумента другим, который является дефектным из-за нарушения одного или нескольких истинных правил без причин, для того, чтобы произвести впечатление на адресатов, ответить положительно на аргумент. Это означает, что ложный довод представляет собой процесс, состоящий из различных этапов, и каждый отличается своими прагматическими компонентами. Каждый ложный довод состоит из трех этапов, и каждый этап отличается своей структурой и подэтапами:

- этап начальной точки;
- этап аргумента;
- этап завершительной точки.

Стадия начального этапа охватывает актуальный потенциальный подэтап, на котором докладчик представляет тему, подлежащую обсуждению или доказательству. Для этого подэтапа оратор использует аргументы, которые могут быть индуктивными или дедуктивными. При изучении данных кажется, что стадия начальной точки включает в себя еще один подэтап, который называется «*адаптацией аудиторши*». Это ориентация, в которой говорящий использует две составляющие: *дейксис* и *акт вежливости*. На втором этапе спикер использует подэтап с неправильным аргументом, который состоит из двух прагматических компонентов: критерия хорошего аргумента и принципа сотрудничества.

Этап аргумента включает в себя другой подэтап, то есть подэтап презентационных устройств, который состоит из двух прагматически составляющих риторических устройств и принципа воздействия. На третьем этапе, то есть на завершающей стадии, проверяется функция ошибки, чтобы увидеть, удастся убедить адресата или нет.

На этом этапе появляется роль оценки адресатов и необходимость ответа на ошибочный аргумент. Согласно Уолтону (Walton 1995), ответ адресата заключается в рассмотрении аргумента с использованием критических вопросов, связанных с аргументом. Такой тип ответа имеет место в диалогических случаях, которые не имеют отношения к текущему исследованию, так как данные здесь рассматриваются на базе политических речей, на которые адресат не имеет права отвечать лингвистически. Как утверждает Уолтон, «адресат может отвечать на любой аргумент в этих ситуациях только не лингвистически» (Walton 2007).

Каждый из трех вышеуказанных этапов отличается своими компонентами и стратегиями. Стартовая точка состоит из двух подэтапов: тематического потенциала, адаптации аудитории.

На тематическом потенциальном подэтапе обсуждаемая тема представляется докладчиком. Спикеры различаются в способах введения темы, но они в основном делают это, используя аргументы. Аргументы на этом этапе имеют индуктивный или дедуктивный тип. Они несут утверждение, которое аргументатор пытается поддержать на следующем этапе, выдав ложный аргумент.

Адаптация аудитории проявляется, как выше указано, через дейксис и акт вежливости. Что касается стратегии дейксиса, то она реализуется от первого лица дейксиса интеграции, используемого для повышения своего рода сопереживания и общения с адресной группой.

Стратегия вежливости осуществляется требованием создать общее основание. Согласно Брауну и Левинсону (цитируется по Уоттсу (Watts 2003, с. 89), докладчик должен понимать, что он и его адресаты принадлежат группе людей, которые разделяют конкретные потребности, цели и ценности. Это заставляет говорящего показать, что некоторые из желаний и потребностей слушателя ему тоже близки. Отвечая интересам слушателя, говорящий должен учитывать желания и потребности слушателя, вести себя соответственно.

Чтобы добиться сочувствия слушателя, докладчик должен согласиться с тем, что хотят адресаты. Одна из лучших стратегий поиска соглашения – повышение уровня безопасности темы. Непосредственность создает угрозу для слушателя, поэтому говорящий должен обращаться косвенно, чтобы избегать таких угроз. Стратегия минимизации наложения предполагает минимизацию возможного наложения, которое несет высказывание оратора. Это происходит посредством обращения к определенным выражениям,

таким как *просто, точно, только* (на английском *simply, exactly, just*) и т. д., или посредством интонации, косвенности. Пессимистичность предполагает проявление пессимизма по отношению к тому, что говорящий хочет от слушателя (Watts 2003, с. 90).

Стадия аргументации включает в себя два подэтапа: подэтап ложного аргумента; презентационное устройство.

Чтобы проверить, является ли аргумент ложным или нет, его следует оценивать на двух уровнях:

1. Диалектический ярус относится к аргументу в структуре диалога. Уолтон предлагает диалектическую значимость для проверки ошибочных аргументов на диалектическом ярусе. Согласно этому автору (Walton 1995, с. 163) аргумент является диалектически значимым, если он вносит вклад в достижение целей контекста, в котором осуществляется.

2. Прагматический ярус выдачи ложных аргументов на диалектическом уровне – главная стратегия по выдаче ложного аргумента, который нарушает диалектическую актуальность. Когда аргумент не имеет отношения к предыдущему аргументу или аргументам, которые предназначены для поддержки, реализуются ложные аргументы диалектической значимости.

Презентационные устройства включают в себя два компонента: риторические устройства, принципы воздействия.

Политики используют три риторических устройства: дополнение, приветливые слова и глубоко значимые слова. Что касается принципов влияния, то политики обращаются к страху, интересу, прославлению, приверженности, взаимности, проницательности.

Стадия завершающей точки связана с проверкой влияния ложного аргумента на адресата. Уже отмечалось, что ошибочные аргументы имеют убедительную функцию. Они являются средством воздействия на адресата, чтобы он что-то сделал или принял. На этом этапе адресат дает свою оценку и ответ на подобные аргументы. Ответ проявляется в неязыковых действиях в монологических ситуациях. В таких ситуациях аудитория использует основные нелингвистические акты: аплодисменты, кивание головой в знак согласия и действия, взгляд благоволения или страха.

Выводы. Таким образом, ложный довод – это процесс, который динамически проявляется на трех этапах: этапе первоначальной стадии, этапе аргумента и этапе завершающей стадии. На втором этапе стратегическое маневрирование

не срабатывает. Это крушение происходит из-за уменьшения разумности и необходимости повышения эффективности. Разумность уменьшается в результате нарушения релевантности, правдивости, приемлемости, достаточности, диалекти-

ческой актуальности, для достижения убедительных целей. Между тем эффективность получает преимущество над разумностью за счет чрезмерного использования риторических приемов и различных принципов воздействия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Aristotle (1928a). *Sophistical Refutations*. W.D. Ross (ed.), Oxford: Clarendon Press.
2. Aristotle (1928b). *Topics*. W.D. Ross. (ed.), Oxford: Clarendon Press.
3. Cohen, M.R. & Nagel, E. (1964). *An Introduction to Logic and Scientific Method*. London: Routledge & Kegan Paul.
4. Copi, I.M. (1972). *Introduction to Logic* (4th ed.). New York: Macmillan.
5. Eemeren, F. H. van, & Grootendorst, R. (1999). *Speech acts in argumentative discussions*. Berlin: De Gruyter. <http://dx.doi.org/10.1017/9783110113441>.
6. Hamblin, Ch.L. (1970). *Fallacies*. London: Methuen. Reprinted with a preface by J.Plecnik and J. Hoaglund. Newport News, VA: Vale Press.
7. Walton, D. (1995). *A Pragmatic theory of fallacy: Studies in rhetoric and communication*. London: University of Alabama Press.
8. Walton, D., & Reed, C. (2003). *Argumentation schemes in argument as a process and argument as a product*. In J. Anthony et al. (Eds), *Proceedings of the Windsor Conference*. Windsor, Ontario: Ossa.
9. Walton, D. (2007). *Media argumentation: dialectic, persuasion and rhetoric*. Cambridge University Press // <http://dx.doi.org/10.1017/9780521875886>.
10. Watts, R. (2003). *Politeness*. Cambridge University Press. <http://dx.doi.org/10.1017/9780521875886>.
11. Whateley, R. (1848). *Elements of Logic*, 9th ed. London: Longmans.